

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой плод полуторагодовых трудов авторов по сбору и обобщению судебной практики, посвященной монетарной ответственности директора в корпоративном праве. Всего за несколько лет, прошедших с момента выхода в 2013 г. Постановления Пленума ВАС РФ о возмещении убытков директором в пользу юридического лица, данная категория споров из прежде маргинальной превратилась в одну из наиболее динамично развивающихся разновидностей.

Эта работа написана не совсем обычным для юридической монографии языком: авторы попытались реконструировать язык, которым могла бы говорить судебно-арбитражная практика, если бы она имела голос. В связи с этим текст, предлагаемый читателю, есть предельно концентрированная выжимка правовых позиций, используемых судами при разрешении подобной категории дел. Так что книга эта – скорее словарь, а не легкое чтение. Авторы сознательно избегали – насколько это было возможно – выставления каких-либо собственных оценок складывающейся практике, предпочитая описывать предельно нейтрально позиции судов, а не критиковать их, обосновывая ту или иную точку зрения. Подобный подход делает нашу работу полезной как для спорящих, причем находящихся по обе стороны спора, так и для судей, рассматривающих такого рода споры. Будет эта работа интересна и полезна также научной общественности, поскольку высвечивает архисложные и актуальнейшие проблемы развития корпоративного права, которые еще ждут своей доктринальной разработки.

Первая версия данной работы, содержащая анализ практики по состоянию на декабрь 2017 г., была опубликована в апреле 2018 г. в приложении к журналу «Вестник экономического правосудия Российской Федерации». Авторы выражают благодарность редакции названного журнала как за редакторскую работу над текстом, так и за любезное разрешение использовать указанную статью в качестве основы данной книги. Однако за прошедшие полгода количество судебных актов, которые были нами проанализированы, выросло с 3300 до 4000, а потому нам пришлось провести серьезную ревизию практически по всем разделам.

По нашему замыслу работа написана в логике столь популярной сейчас в сетевом сообществе открытой архитектуры: проделанная нами работа по анализу 4 000 судебных актов есть не более чем задел, от которого может оттолкнуться последующий исследователь и проследить, как та или иная правовая позиция будет развиваться в будущем, причем сделать это как в рамках общероссийской судебно-арбитражной практики, так и сфокусировав свое внимание лишь на одном или нескольких регионах. Мы в данном случае создали лишь матрицу, которую дальше можно дополнять новым содержанием, почерпнутым из анализа практики судов.

Дмитрий Степанов, Юлия Михальчук

ВВЕДЕНИЕ

Формула «лицо, которое в силу закона выступает от имени юридического лица, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно» (п. 3 ст. 53 Гражданского кодекса РФ, далее – ГК РФ) известна, пожалуй, любому юристу, хоть однажды сталкивавшемуся с проблематикой корпоративного права. В ней задаются рамки поведения, юридические обязанности, при нарушении которых названное лицо может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности. Следовательно, продолжением этой формулы являются слова об обязанности нарушителя возместить по требованию юридического лица, его учредителей (участников), выступающих в интересах юридического лица, убытки, причиненные по вине такого нарушителя юридическому лицу (п. 1 ст. 53.1 ГК РФ и п. 3 ст. 53 ГК РФ в редакции, действовавшей до 1 сентября 2014 г.). При этом указанное лицо несет ответственность, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно (абз. 2 п. 1 ст. 53.1 ГК РФ). Аналогичные, в общем, слова содержатся не первый год и в специальных корпоративных законах: в ст. 71 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО) и в ст. 44 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО).

Однако несмотря на широкую растиражированность, чрезмерно частое употребление в судебных актах и специальной литературе, а также азбучность истин, подобные слова до некоторых пор были довольно безобидны для участников оборота. Первым настораживающим сигналом выступило дело Кировского завода, когда высшая судебная инстанция отменила ранее состоявшиеся судебные акты и при направлении дела на новое рассмотрение дала указания, принципиально расходящиеся с ранее существовавшей практикой взыскания убытков¹.

Ситуация в целом по судебной системе начала меняться во второй половине 2013 г. после принятия Постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков

¹ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 6 марта 2012 г. № А56-1486/2010.

лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее — Постановление № 62). С принятием указанного постановления существенно увеличилось общее количество дел¹, в которых ставится вопрос об ответственности лиц, входящих в органы управления корпорации, а на фоне роста общего числа дел и довольно высокого процента удовлетворения таких исков ощутимым стал груз ответственности для директоров, поскольку в абсолютных цифрах выросло количество дел, в рамках которых требования истцов удовлетворяются, а менеджеры привлекаются к монетарной ответственности перед корпорацией. Так, по итогам 2016 г. было удовлетворено подобных исков на 2,55 млрд руб., а за 2017 г. — на 149,6 млрд руб.² Правда, такой взрывной рост размера удовлетворенных требований связан с тем, что в эту категорию споров попало известное дело «Роснефть против Системы» о взыскании убытков, причиненных юридическому лицу акционером, по которому было заключено мировое соглашение на сумму 100 млрд руб.³

Поскольку случаи привлечения к ответственности директоров и прочих лиц, входящих в органы управления корпорации, за последние годы значительно участились, накопился существенный объем как самих дел, так и вопросов права, в них обсуждаемых, соответственно, на сегодня имеется внушительная судебно-арбитражная практика по данной проблематике. Нами была предпринята первая в истории новейшего корпоративного права России попытка изучения всей доступной судебной-арбитражной практики по данному вопросу начиная с уровня кассационных арбитражных судов округов и выше, включая практику Высшего Арбитражного Суда РФ, а также Верховного и Конституци-

¹ По данным официальной статистики, арбитражными судами первой инстанции рассмотрено дел данной категории:

— в 2014 г. рассмотрено 716, удовлетворено 384 (см.: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2885>);

— в 2015 г. рассмотрено 710, удовлетворено 291 (см.: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3423>);

— в 2016 г. рассмотрено 695, удовлетворено 241 (см.: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3833>);

— в 2017 г. рассмотрено 758, удовлетворено 324 (см.: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4430>).

² Данные доступны по указанным выше ссылкам за 2016 г. и за 2017 г.

³ См.: Определение АС Республики Башкортостан от 26 декабря 2017 г. № А07-14085/17 (здесь и далее при указании реквизитов судебных актов указывается — если иное специально не оговорено — номер дела, а не номер судебного акта; для постановлений пленумов высших судов, а также обзоров судебной практики или информационных писем высших судов, напротив, обычно указывается в числе реквизитов номер судебного акта).

онного судов¹. Более того, в редких случаях – там, где авторы посчитали необходимым в силу интересности для практиков правовой позиции, обсуждавшейся в конкретном деле, – проведен анализ практики отдельных арбитражных судов апелляционной и даже первой инстанций. В рамках работы над настоящей публикацией авторами было изучено несколько тысяч судебных актов по данной проблематике. Более детально критерии отбора и последующего анализа дел, а также прочие вопросы методологии описаны в приложении к настоящей работе, так что любой юрист может повторить тот же путь или продолжить исследование по всем или части судебных округов от даты, на которую авторы завершили свой анализ. Основная часть выводов, представленных ниже, базируется на изучении практики арбитражных судов, доступной в открытом доступе на 10 августа 2018 г.²

С точки зрения субъектного состава нами рассматривается судебно-арбитражная практика, где к ответственности привлекаются как члены

¹ Далее для краткости с учетом огромного объема анализируемых судебных актов используются следующие сокращения наименований судов:

АС – арбитражный суд;

ААС – арбитражный апелляционный суд (с указанием номера суда);

ВАС РФ – Высший Арбитражный Суд Российской Федерации;

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации;

СК ЭС ВС РФ – Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ;

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации;

АС (ФАС) ВВО – Арбитражный суд (Федеральный арбитражный суд) Волго-Вятского округа;

АС (ФАС) ВСО – Арбитражный суд (Федеральный арбитражный суд) Восточно-Сибирского округа;

АС (ФАС) ДО – Арбитражный суд (Федеральный арбитражный суд) Дальневосточного округа;

АС (ФАС) ЗСО – Арбитражный суд (Федеральный арбитражный суд) Западно-Сибирского округа;

АС (ФАС) МО – Арбитражный суд (Федеральный арбитражный суд) Московского округа;

АС (ФАС) ПО – Арбитражный суд (Федеральный арбитражный суд) Поволжского округа;

АС (ФАС) СЗО – Арбитражный суд (Федеральный арбитражный суд) Северо-Западного округа;

АС (ФАС) СКО – Арбитражный суд (Федеральный арбитражный суд) Северо-Кавказского округа;

АС (ФАС) УО – Арбитражный суд (Федеральный арбитражный суд) Уральского округа;

АС (ФАС) ЦО – Арбитражный суд (Федеральный арбитражный суд) Центрального округа.

² Детальная разбивка по количеству проанализированных судебных актов и последняя отчетная дата по каждому округу и суду приводятся в таблице, содержащейся в приложении к настоящей работе.

исполнительного органа (единоличного и/или коллегиального, в том числе временно исполняющего обязанности исполнительного органа¹, а равно исполнительного органа, представленного двумя генеральными директорами², управляющей компании³ или лица, действующие от имени управляющей компании⁴, а также ликвидатор⁵), так и члены иных коллегиальных органов корпорации (советов директоров или наблюдательных советов), даже если последние не осуществляют управление делами корпорации на ежедневной основе, а заняты, скорее, стратеги-

¹ См.: Постановление АС ЗСО от 14 июня 2018 г. № А27-9265/2017 (временно исполняющий обязанности директора может привлекаться к ответственности так же, как обычный директор).

² См.: Постановление АС МО от 26 июня 2018 г. № А40-191138/2017.

³ Появление на месте директора – физического лица другого юридического лица или управляющей компании принципиально ничего не меняет в вопросах ответственности: все то, что прежде обсуждалось применительно к ответственности директора-гражданина, начинает обсуждаться уже применительно к ответственности такой управляющей компании-организации. Соответственно, замена директора-гражданина на управляющую компанию (юридическое лицо) не усложняет, но и не упрощает для истца процесс доказывания, а для ответчика – защиту от заявленного иска; все прочие правовые позиции, обсуждаемые в рамках настоящей работы, подлежат применению к таким управляющим компаниям с одной лишь разницей, что ответчиком называется не директор, а управляющая компания. В частности, по одному из недавних дел, рассмотренных кассационным судом, убытки были взысканы с управляющей компании за обнаружившуюся растрату имущества, которая возникла у управляемого ею акционерного общества, причем правовое обоснование удовлетворения иска ничем особо не отличалось от аналогичных дел, где ответчиком выступает директор – физическое лицо. См.: Постановление АС МО от 27 апреля 2017 г. № А40-123105/2016. В другом деле управляющая компания была призвана возместить убытки, возникшие в связи с принятием мер по возмещению НДС, а также мер по взысканию дебиторской задолженности – см.: Постановление АС МО от 22 февраля 2018 г. № А40-117973/2014.

⁴ Практический нюанс, требующий разграничения управляющей компании и ее директора, проявляется тогда, когда при рассмотрении иска об ответственности управляющей компании перед управляемым ей хозяйственным обществом обнаруживается, что в управляющей компании сменился директор. Так, если управляющая компания в лице своего нового директора признает заявленный иск, то такое признание, во-первых, предreshает вопрос последующей ответственности прежнего директора, но уже перед управляющей компанией, а не перед управляемым обществом (перед управляемой организацией отвечает управляющая компания), а во-вторых, лишает возможности прежнего директора управляющей компании защитить и себя, и управляющую компанию от предъявленного иска, поскольку управляющую компанию отныне представляет новый директор. В такой ситуации признание управляющей компанией иска от управляемого общества, если оно осуществляется новым директором, не должно приниматься судом как нарушающее права других лиц (прежнего директора управляющей компании), см.: Постановление АС СЗО от 13 апреля 2016 г. № А52-2635/2012 и Определение ВС РФ от 28 июля 2016 г. по тому же делу.

⁵ См.: Постановление АС УО от 22 апреля 2016 г. № А60-932/2015.

ческим планированием. Вместе с тем поскольку основная часть судебной практики посвящена все же вопросам ответственности лиц, входящих в исполнительные органы, то по преимуществу последующий анализ связан с ответственностью директора-менеджера, т.е. того, кто действует от имени корпорации вовне, как правило, совершая сделки от лица корпоративного образования на постоянной основе. Там, где в рамках дел об ответственности членов иных коллегиальных органов управления (советов директоров или наблюдательных советов) обсуждаются интересные правовые вопросы, тем более имеющие значение для ответственности членов исполнительных органов, конечно, правовые позиции, нашедшие отражение в таких делах, анализируются предельно внимательно как имеющие важное значение для проблематики ответственности менеджеров. Напротив, вопросы ответственности контролирующих акционеров (участников) находятся за пределами рассмотрения настоящей работы.

Наконец, представленный ниже анализ судебной практики не затрагивает вопросы привлечения к ответственности контролирующих лиц — как они понимаются по законодательству о несостоятельности (банкротстве) — в рамках банкротного процесса, если речь идет об ответственности за доведение до банкротства, или о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц, в число которых в таком случае включаются прежние менеджеры корпоративного должника. Однако подобную ситуацию, обсуждаемую обычно по правилам банкротного права¹, нужно отличать от примеров привлечения к ответственности перед корпорацией прежнего менеджера, даже если соответствующие требования заявляются в рамках одной из процедур банкротства (в основном в ходе конкурсного производства, реже — в процедурах наблюдения или внешнего управления²), но рассматриваемых по тем же правилам корпоративного законодательства, как если бы юридическое лицо не находилось в рамках соответствующей банкротной процедуры: в последнем случае подобные споры принципиально ничем не отличаются от привлечения к ответственности директора любой иной корпорации, не являющейся банкротом, а потому эти ситуации также входят в предмет последующего рассмотрения.

¹ См. гл. III.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве).

² По данным официальной статистики по делам о банкротстве, арбитражными судами первой инстанции в 2017 г. рассмотрено четыре требования о взыскании убытков с органов управления должника в рамках процедуры наблюдения и 562 требования в рамках конкурсного производства (см.: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/AC1a_2017.xls).

1. ОТДЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОСТАВА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Как уже было отмечено выше, любая ответственность в корпоративном (шире – в гражданском) праве строится на допущении, что конкретному субъекту оборота вменена некоторая обязанность, в данном случае – обязанность из сферы корпоративного права. Только тогда, когда есть обязанность не совершать что-либо или, напротив, обязанность вести себя определенным образом, а лицо, несмотря на вмененные ему рамки поведения, их нарушает, его можно привлечь за это к ответственности. В данном случае лицу, которому участники корпорации доверили ведение ее дел, вменяется вести себя определенным образом – максимально соблюдая интересы корпорации и настолько разумно, насколько может ожидать от среднестатистического менеджера. Если лицо нарушает подобные нормативные рамки, оно может быть привлечено к гражданско-правовой имущественной ответственности в пользу корпорации, пострадавшей от его нерадивого поведения.

В судебной практике такая логика обычно проявляется в формуле, которая является общим местом для литературы по гражданско-правовой ответственности и суть которой сводится к необходимости установления состава ответственности. Так, суды при рассмотрении дел о привлечении к ответственности директора зачастую проговаривают, что для привлечения к ответственности директора, а точнее для удовлетворения заявленного иска, необходимо установить наличие одновременно трех элементов: 1) имело ли место нарушение со стороны ответчика (директора или иного лица) вмененных ему обязанностей, в чем конкретно оно выразилось в конкретном деле (в нарушении какой обязанности или обязанностей, а также в каких действиях (бездействии)); 2) какова сумма имущественного ущерба, убытков для корпорации; 3) имеется ли причинно-следственная связь между указанными нарушениями и наступившими невыгодными для корпорации имущественными последствиями¹. В отсутствие любого из трех

¹ См., например, постановления АС ВВО от 7 ноября 2016 г. № А17-4384/2015; АС ПО от 22 ноября 2016 г. № А72-13773/2015; АС СЗО от 5 сентября 2016 г. № А52-3199/2014; АС УО от 21 марта 2017 г. № А76-22880/2015.

этих элементов в иске должно быть отказано. Далее каждый из них будет исследован предельно подробно. После рассмотрения ключевых элементов состава ответственности можно будет перейти к изучению прочих, более частных или смежных, вопросов ответственности применительно к данному институту корпоративного права.

1.1. Нарушение фидуциарных обязанностей

В российском корпоративном праве ответственность директора перед корпорацией базируется на концепции фидуциарных обязанностей: именно за нарушение вменяемых каждому директору фидуциарных обязанностей возможно наступление имущественной ответственности. При этом российское корпоративное право — вслед за англо-американским правом¹, откуда эта концепция распространилась по всему миру, — называет две фидуциарные обязанности директора: 1) обязанность действовать разумно (аналог английской *duty of care*); 2) обязанность действовать добросовестно, что в данном случае не равно общегражданской обязанности добросовестности², а применительно к корпоративному праву имеет более узкое содержание, которое может быть отождествлено с обязанностью лояльности, или недопустимости конфликта интересов, т.е. общим запретом подмены интереса корпорации личным интересом директора (аналог английской *duty of loyalty*).

¹ В английском, а вслед за ним в американском праве концепция фидуциарных обязанностей была заимствована корпоративным правом из права трастов и агентирования, где, в общем, наблюдается та же проблема, что и в корпоративных отношениях: лицу вверяется в управление имущество, с которым оно может делать все что угодно, но при этом такое лицо ограничивается определенными рамками, нормами поведения, при нарушении которых наступает ответственность. Подробнее о трастовом происхождении фидуциарных обязанностей директора в корпоративном праве см.: L.S. Sealy, *Fiduciary Relationships*, 1962 CAMBRIDGE L.J. 69, 70-2 (1962); Harold Marsh, *Are Directors Trustees? Conflict of Interest and Corporate Morality*, 22 BUS. LAW. 35, 39-41 (1966); Justice Joseph T. Walsh, *The Fiduciary Foundation of Corporate Law*, 27 J. CORP. L. 333 (2002); Edward B. Rock and Michael L. Wachter, *Dangerous Liaisons: Corporate Law, Trust Law, and Interdoctrinal Legal Transplants*, 96 NW. U. L. REV. 561 (2002); Dana M. Muir and Cindy A. Schipani, *The Challenge of Company Stock Transactions for Directors' Duties of Loyalty*, 43 HARV. J. ON LEGIS., 437, 439-45 (2006); Dana M. Muir and Cindy A. Schipani, *Fiduciary Constraints: Correlating Obligation with Liability*, 42 WAKE FOREST L. REV. 697, 722-4 (2007).

² См.: Будылин С.Л. Добросовестность № 4: Беспокойная совесть директора // Закон. ру. 2016. 5 дек. URL: https://zakon.ru/blog/2016/12/05/dobrosovestnost_4_bespokojnaya_sovest_direktora.

Логика вменения указанных обязанностей директору и возможности привлечения его к ответственности в случае нарушения таких обязанностей нашла отражение в Постановлении № 62, текст которого построен по той же самой регуляторной схеме: директор несет такие-то обязанности, нарушение этих обязанностей может выражаться, в частности, в таком-то поведении. Однако в названном постановлении, коль скоро оно преследовало вполне утилитарные цели (описать максимально широкий набор ситуаций, когда директор нарушает вмененные ему стандарты поведения), не всегда выдерживается разграничение одной фидуциарной обязанности от другой, соответственно, далее для аналитических целей будут рассмотрены сначала чистые случаи нарушения одной и другой обязанности, а затем будут описаны примеры, когда суды указывают на одновременное нарушение обеих обязанностей. В последнем случае понятие «действовать добросовестно» получает более широкое звучание, возможно, и не сводимое к недобросовестности как запрету конфликта интересов, а возвращающееся к более широкому общегражданскому стандарту недобросовестности — объективному («директор должен вести себя порядочно») либо субъективному («директор должен был знать, какого рода транзакцию он намеревался совершить»). Именно последняя группа практических ситуаций, когда сложно различить, какого рода стандарт поведения нарушил директор, порождает наибольшее число споров на практике и допускает великое множество толкований, следовательно, как раз там можно прогнозировать дальнейшее колебание судебной-арбитражной практики и отсутствие ее единообразия.

1.1.1. Нарушение фидуциарной обязанности действовать разумно

Обязанность действовать разумно, задаваемая по отношению к директору корпорации, — это стандарт поведения с довольно низко установленной планкой. Как показывает анализ складывающейся судебной-арбитражной практики, директору нужно очень постараться, чтобы нарушить данную обязанность и быть привлеченным к ответственности за нарушение только одной ее. Российское право в данном случае не является чем-то уникальным: подобное положение типично и для большинства зарубежных правовых систем, поскольку повсеместно случаи привлечения директора к имущественной ответственности за нарушение обязанности действовать разумно носят единичный характер¹.

¹ См.: Блэк Б., Чейффинс Б., Гелтер М. и др. Правовое регулирование ответственности членов органов управления: анализ мировой практики. М., 2010.